

Нечаев

достойн поэмы

Директор Центральной Научной библиотеки СТД Вячеслав Петрович Нечаев — один из тех, кто выдвинут в этом году на премию Мэриш Москвы в области литературы и искусства. Его имя, возможно, и не такое громкое, как иные актерские и режиссерские имена, для людей театра имеет особое звучание. Вот уже четвертое десятилетие оно неразрывно связано с деятельностью театральной библиотеки, что расположена в милом многим сердцам особняке на углу Большой Дмитровки и Страстного бульвара. На втором этаже этого благородноветхого (уже который год бесплодно молящего о капитальном ремонте) здания есть укромная комната, загроможденная книгами, заваленная рукописями, письмами, фотографиями, афишами, каталогами выставок. Хозяин кабинета, безошибочно и любовно ориентирующийся в этом хаосе, и есть душа (официальная должность — директор) того немалого библиотечного организма, что хранит собранные за столетие книжные богатства и преумножает их по мере сил.

В кабинете Нечаева случается заглядывать самым разным людям. Иногда — за поддержкой. Нередко — за советом. Многие из них знакомы с Вячеславом Петровичем целую вереницу лет. Наверное, им есть что порассказать о Нечаеве, решила я, обращаясь с этой просьбой к шекспироведу, доктору искусствоведения, профессору РАТИ Алексею Вадимовичу Бартошевичу, режиссеру анимационного кино, заслуженному деятелю искусств России Андрею Юрьевичу Хржановскому, народному артисту России Сергею Юрьевичу Юрскому. Все трое — весьма и весьма занятые люди — с поразительной готовностью откликнулись на эту затею: после десятисекундного раздумья Бартошевич произнес вдохновенный импровизационный монолог о человеческих и профессиональных качествах Нечаева; Хржановский написал исполненный восхищения краткий очерк об этой личности; Юрский... Здесь к месту пересказать наш телефонный разговор. Объясняя, по какому поводу беспокою, я произношу: "Надеюсь, что вы не откажетесь сказать несколько фраз о Вячеславе Петровиче..." После паузы слышу: "Меня устраивает ваша формулировка: несколько фраз. Нечаев заслуживает поэмы. Но поэмы в силу занятости я сейчас написать не могу".

Такое вот восторженно-благодарное отношение к этому человеку и его усилиям.

Алексей Бартошевич:

Вячеслав Петрович Нечаев — человек замечательный и уникальный. И чем сложнее становится жизнь вокруг нас, тем более заметными делаются эти его замечательность и уникальность. Нечаев — один из последних энтузиастов в театрально-мире, человек, посвятивший необыкновенно много времени и сил одному из самых священных и чистых дел, связанных с театральным искусством. Он — страстный и, что самое главное, высокопрофессиональный коллекционер документов и книг, посвященных театру. Разумеет-

ся, он продолжил, подхватил дело, прекрасно начатое теми, кто стоял у основания библиотеки СТД. Но надо признать, что именно при Нечаеве эта библиотека не только приобрела значение первой, главной, лучшей театральной библиотеки страны, но и стала, если угодно, своего рода театральным клубом — местом, куда люди приходят и для общения.

Ни одна более или менее серьезная театроведческая работа не могла бы появиться на свет, если бы не книги, собранные здесь, главным образом в последние десятилетия благодаря усилиям и таланту Нечаева. Мы все кругом обязаны сотрудникам библиотеки, им возглавляемой. Те, кто бывал в этих стенах, помнят висящую в фойе фотографию нашего крупнейшего шекспироведа Александра Абрамовича Аникста. В надписи на фотографии сказано как раз о том, что и его труды не могли быть созданы без помощи книжных богатств библиотеки СТД.

Нечаев занят и еще одним бесценным делом: он собирает рукописные мемуары, воспоминания театральных людей, причем не только великих и знаменитых, но и не обремененных известностью, в чьих судьбах судьба театра может быть прочтена даже с большей ясностью, чем в истории гениев и избранных. Собственно говоря, он нередко упрямивает людей браться за подобного рода воспоминания. И тогда в библиотеку на имя Нечаева приходят толстые или совсем тоненькие рукописи, написанные старческими почерками, иногда карандашом, нередко с уникальными и забытыми фактами. Это настоящее богатство для будущих историков театра. Нечаев знает в этом толк.

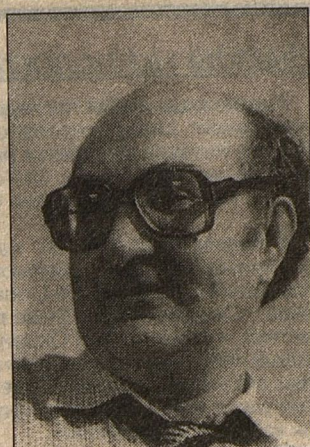
Помимо очевидного душевного благородства и фантастической эрудиции (я чем дальше, тем больше в этом убеждаюсь), у Нечаева есть еще редкое сходство с русским мастеровым. Он не чуждается никакой работы: требуется ли таскать тяжести, вбивать гвозди, ввинчивать лампочки, взбираясь на неустойчивую стремянку — делает это Нечаев собственноручно.

Одним словом, все в этом человеке невероятно далеко от банального представления о том, каким может быть директор в привычном смысле этого слова. Сам человеческий тип, представленный Нечаевым, — один из поводов испытывать надежду на наше будущее.

Андрей Хржановский:

Впервые я услышал о нем от внуки Мейерхольда Марии Алексеевны Валентей. В своих рассказах она называла его заправкой — Слава, а я удивлялся, почему она пренебрегает таким прекрасным сочетанием звуков — Вячеслав Нечаев.

Затем я увидел его в деле — за разбором библиотеки моих покойных друзей Эраста Гарина и Хеси Локшиной. Он сидел на корточках, рассматривая книги. И тут меня поразило сочетание качеств, нечастое в одном человеке: нежности и деловитости. Всем своим обликом он соответствовал стихотворению Тютчева про женщину, которая "...сидела на полу. И грудью писем разбирала..." В то же время я видел, как ничто не ускользает от



его цепкого взгляда за толстыми стеклами очков.

Затем я встречал В.П. в библиотеке, которой он руководит не один десяток лет. На мой взгляд, это одно из лучших мест в Москве. Там работают удивительные люди, и в том, что они так преданы своему делу, так безукоризненно профессиональны и обходительны, нельзя не увидеть также заслугу В.П. Я до сих пор влюблен в замечательных служащих библиотеки, умниц и красавиц, и не скрываю своей ревности к В.П., при виде которого каждая из них расцветает ласковым взглядом, адресованным своему "Дирусик".

А "Дирусик" этот может подхватить несколько коробок с книгами зараз и, как заправский грузчик, тащить их в другой конец своего "царства", кряхтя от тяжести и клином вышибая клин в виде приступа радикулита.

Я часто вижу В.П. в зрительных залах московских театров, которые он знает и любит, пожалуй, не меньше, чем книги.

Он всегда добр и доброжелателен, всем своим видом опровергая библейскую мудрость о том, что многие знания умножают печали. И этот его оптимизм, его самоотверженность и высокий профессионализм заставляют поверить в то, что наша страна, несмотря на все невзгоды, сумеет сохранить и преумножить свою великую культуру.

Сергей Юрский:

Вячеслав Петрович Нечаев — личность уникальная и вдохновляющая. Он концентрирует в себе всеобъемлющего и незаинтересованнейшего читателя. Сейчас ведь в России, с одной стороны, переиздано много книг, а с другой — кризис читателей. Даже покупая книги, люди не всегда их читают. Довольно отчаянное положение. Если бы не было примера Нечаева, от которого прямо-таки распространяются волны интереса уже к самому процессу перелистывания книжных страниц, то можно было бы считать, что положение трагическое.

Но Нечаев не только собиратель, читатель и хранитель, он еще и побудитель к действию, вдохновитель тех, кто пишет. Мне довелось испытать это на себе: свою первую книгу я написал и издал под его влиянием. Предполагаю, что подобное происходило не только со мной.

Личность Нечаева — удивительный и обнадеживающий факт нашей не только собственной театральной, но и вообще московской жизни.

Публикацию
подготовила
Мария ХАЛИЗЕВА

Экран и
сцена —